Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.

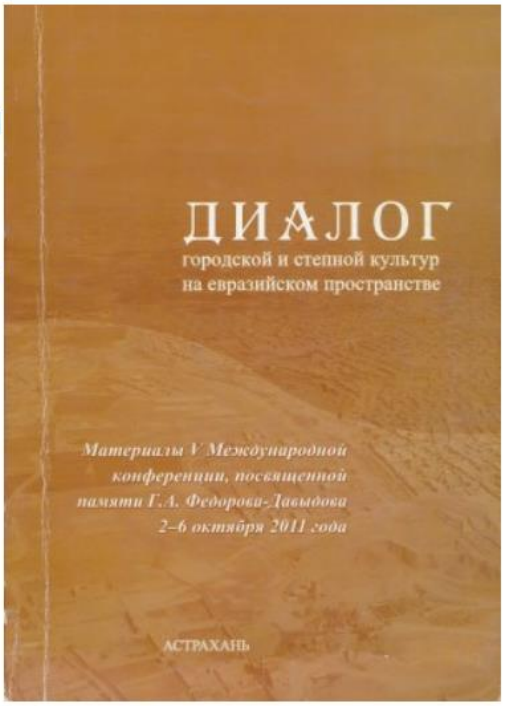
/ Материалы V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (г. Астрахань, 2-6 октября 2011 г.).
// Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2011. 360 с.
ISBN 978-5-94981-120-7

серии

[сборник]

Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве.

/ Материалы V Международной конференции «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (г. Астрахань, 2-6 октября 2011 г.).
// Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2011. 360 с.
ISBN 978-5-94981-120-7



Содержание

Зеленеев Ю.А. Герман Алексеевич Фёдоров-Давыдов и изучение Селитренного городища. — 3

Степи Евразии и сопредельные регионы в раннем железном веке и раннем средневековье.

Аникеева О.В. Характер распределения каменных бус в разновозрастных курганах ранних кочевников Южного Урала. — 7
Батанина Н.С., Шиманский Е.О. Топография и планиграфия могильников с фигурными насыпями (по материалам Челябинской области). — 13
Вихляев В.И. К вопросу об субэтнических связях средневековой мордвы. — 18
Гаджиев М.С. Градостроительная и фортификационная деятельность Кавада I в Кавказской Албании. — 21
Исянгулов Ш.Н. К проблеме башкиро-караханидских этнополитических связей. — 26
Исмагил Р., Минибасва З.И. О назначении савроматских каменных столиков и бронзовых «колёсиков». — 31
Канторович А.Р. Кабан в восточноевропейском зверином стиле: типы изображений и истоки образа. — 34
Мамонтов В.И. Вооружение сарматов левобережья Дона по материалам раскопок Донской экспедиции ВГСПУ. — 42
Семёнов И.Г. Локализация савир по данным Прокопия Кесарийского и «Армянской географии» VII века. — 46
Тащи Е.Ф., Щербакова Т.А. Ювелирное искусство аланов в Северо-западном Причерноморье (по материалам кургана у с. Мокра Рыбницкого района). — 50
Эрлих В.Р. Левобережье Кубани в период «скифской архаики». Некоторые дискуссионные проблемы. — 57

Соавтор статьи директор Музея археологии Поднестровья ПГУ им. Т.Г. Шевченко-Тащи Е.Ф.

Т.А. Щербакова научный сотрудник
НИЛ «Археология» ПГУ им. Т.Г. Шевченко

Ювелирные изделия аланов в Среднем Поднестровье (по материалам кургана у с. Мокра, Рыбницкого района).

Проблема появления алан на исторической арене до настоящего времени остается в центре внимания специалистов и является наиболее сложной в истории ранних кочевников. На сегодняшний день существуют восемь концепций этногенеза алан, как взаимосвязанных, так и взаимоисключающих (22; 20, с. 60; 15, с. 148; 17, с. 114-116).

Если этногенетические теории нуждаются в серьезной и развернутой аргументации. То свидетельства древних авторов и археологический материал весьма убедительно свидетельствуют о появлении новой волны кочевников в сарматской среде Северного Причерноморья на рубеже I-II вв.

Первые упоминания об аланах в античных письменных источниках туманны и ненадежны. Их имя уже известно Валерию Флакку, воспитателю внуков Августа, римскому поэту, который вставляет их имя в свою неоконченную поэму «Аргонавтика» (17, с. 209).

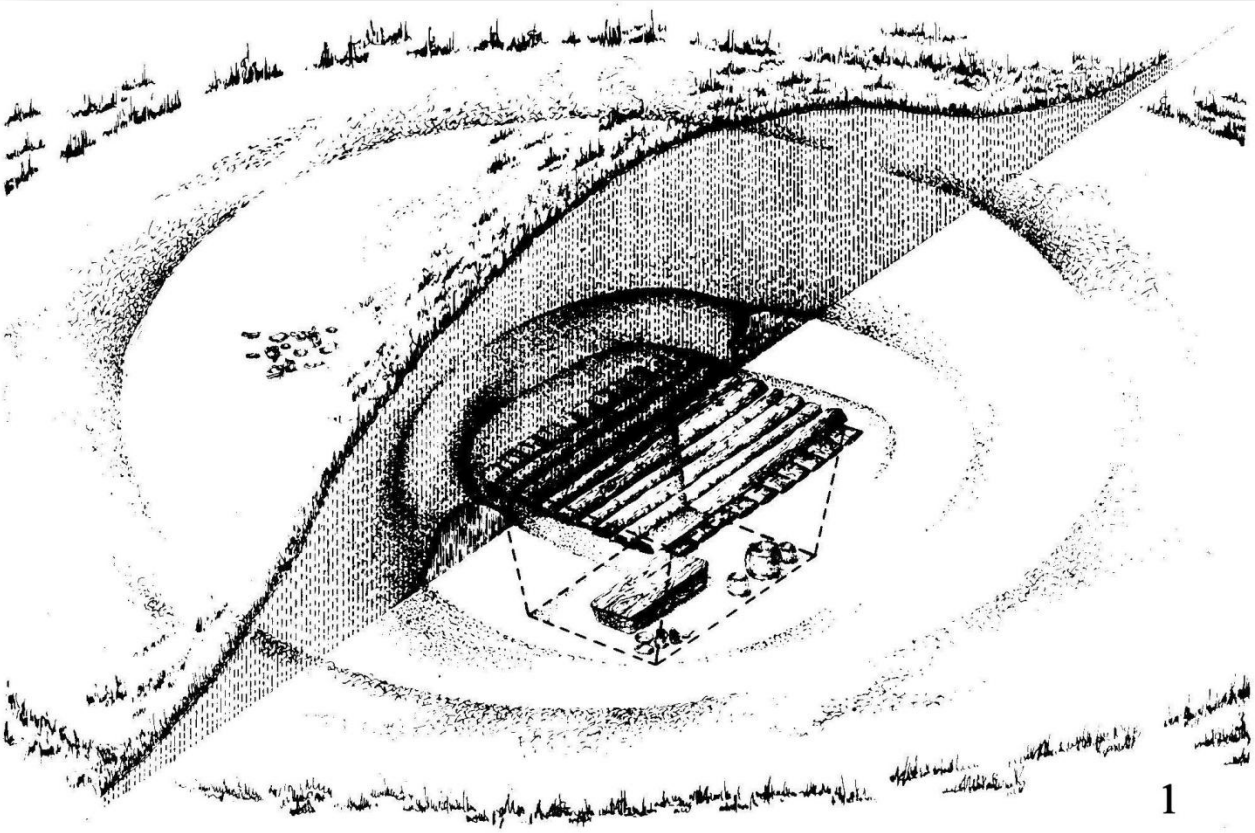
Два писателя, творившие во времена Нерона, Луций Анней Сенека Младший и его племянник Марк Анней Лукан, также упоминают об аланах. Сенека фиксирует их появление на Дунае: «Истр, представляющий путь к бегству диким аланам» [Сен., Вест. 630].

В своей неоконченной поэме «О гражданской войне или Фарсалия», Лукан вкладывает в уста Помпея слова о том, что он «стремился к Каспийским воротам и преследовал суровых и вечно воинственных аланов» [Лукан, VIII (215)].

Таким образом, уже к концу жизни Августа и во времена Нерона воинственность аланов была уже достаточно известна римлянам.

В дальнейшем источники фиксируют алан неожиданно в самых различных местах. Так Плиний в 50-70 гг. отмечает их «к северу от Истра» (Плин. Нат. Ист. IV (80)). Кавказские ориентиры находят объяснение в пространном рассказе Иосифа Флавия,из которого следует, что аланы жили около Танаиса (Дона) и Меотийского озера (Азовского моря), а на Кавказ совершали опустошительные набеги (2, с. 103).

При этом следует помнить, что Плиний черпал информацию из довольно надежных источников. Ему приходилось беседовать с пленным Митридатом Боспорским, находившемся после неудачной войны за боспорский престол 49 г. в Риме, в качестве частного лица [Тацит, Анн. XII, (18)]. Встречался Плиний и с Плавтием Сильваном, наместником Мезии с 57 по 66 гг., проводившим военные операции в Причерноморье (17, с. 214) и хорошо знавшим этнополитическую ситуацию в регионе.



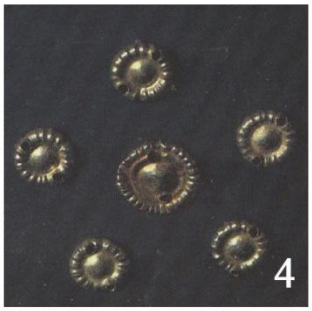


Рис. 1. 1 - Реконструкция аланского погребального сооружения у с. Мокра, 2 - золотые украшения и детали одежды, 3 - золотые бляшки-нашивки с фигурой лежащей лошади, 4 - золотые бляшки-нашивки в виде цветка, 5 - золотая бляшка-нашивка с подвижной подвеской.

В 72 г. через Дарьяльский проход, находившийся в руках аорсов, аланы, их союзники и родственники обрушились на Переднюю Азию.

В сочинениях древних авторов аланы фигурируют в 135 г., когда они нападают на Мидию, Армению и Каппадокию [Дион Кассий, LXIX, (15)]. Легатом провинции Каппадокии был Флавий Арриан – крупнейший историк того времени, а также военный и политический деятель. К моменту столкновения с аланами он пятый год управлял провинцией и прекрасно осознавал нависшую угрозу. Аланы, достаточно уже награбившие, не стали рисковать и бой с войсками Арриана не приняли, состоялась своего рода демонстрация силы (9, с. 174).

В результате этого события у Арриана появился интерес к своим противникам, вследствие чего появилось произведение, которое сам автор озаглавил «Аланика». Само название книги напоминает его «Индику», являвшуюся сочинением во многом этнографическим.

Видимо и «Аланика» должна была познакомить жителей Империи с их новым врагом, его происхождением, обычаями, историей и войнами с соседями и римлянами. Вполне вероятно, что в «Аланику» входил и уникальный фрагмент принадлежавший перу Арриана «Диспозиция против аланов», который мог также являться и легатским отчетом (9, с. 174).

Вскоре активность алан отмечена и на берегах Истра (Дунай), полноводная река не служила защитой римским провинциям от их набегов (2, с. 103). Тем не менее, основные массы алан появляются в Северо-Западном Причерноморье во времена правления Антонина Пия (138-161 гг.). Авторы жизнеописания августов сообщают: «Действуя через своих легатов, он вел много войн. Он не раз обуздывал аланов, когда они приходили в движение» [АЖА, Ант. Пий, V].

Во времена Марка Аврелия (161-180 гг.) аланы участвовали в Маркоманнских войнах 166-180 гг. на стороне маркоманнов, квадов и гермундуров, которые происходили из дунайских провинций Империи [АЖА, Марк Антоний, XXVII].

Примерно в этот же период со страниц античных историков начинают исчезать названия других сарматских племен. Аммиан Марцеллин следующим образом объясняет суть этого процесса: «Разделенные таким образом по обеим частям света, аланы (нет надобности перечислять теперь их разные племена), живя на далеком расстоянии одни от других, как номады, перекочевывают на огромные пространства; однако с течением времени они приняли одно имя, и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение» [Амм. Марц. Ист., XXXI,2, (17)].

Характеризуя собственно алан древний историк отмечает: «Почти все аланы высоки ростом и красивы с умеренно белокурыми волосами; они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей…» [Амм. Марц. Ист., XXXI,2, (25)]. «Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами, а молодежь, с раннего детства, сроднившись

с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами» [Амм. Марц. Ист., XXXI,2, (18)]. Кроме того Марцеллин упоминает о живущих возле Тираса (Днестра) «европейских алан».

Археологическим свидетельством пребывания алан в Поднестровье, может служить курган с центральным захоронением названных кочевников у с. Мокра, Рыбницкого района (16). Несмотря на то, что курган был ограблен, сохранившийся инвентарь говорит о его уникальности.

Курган с центральным аланским погребением был исследован в 3 км к юго-востоку от с. Мокра. Насыпь кургана до раскопок имела высоту 3 м, при диаметре 50 м. В центре курганной насыпи находилась прямоугольной формы яма, размерами 3,4 х 3,2 м, глубиной 2,2 м от уровня обнаружения. Вокруг ямы, по всему периметру, был прослежен выкид-валик из материковой глины, плавно переходивший в округлую, утрамбованную площадку на которой совершалась заупокойная тризна. Следы тризны сохранились в виде двух скоплений светло- и розовоглиняных амфор римского времени с нанесенными на них красной краской буквами греческого алфавита.

На уровне древней дневной поверхности погребальная камера была перекрыта двойным накатом массивных деревянных плах. Нижний накат состоял из восьми плах, уложенных вдоль длинной оси ямы, а верхний – из 10, перекрывавших нижние плахи поперек.

В центре погребальной камеры находилась колода (гроб) выдолбленная из цельного ствола дерева. Северная часть колоды была разрушена грабителями (рис. 1/1).

Останки погребенного оказались полностью разрушенными. Череп и большая часть скелета отсутствовали. Часть грудной клетки была смещена грабителями.

Несмотря на ограбление, в заполнении погребальной камеры и в колоде был обнаружен довольно многочисленный и разнообразный материал. Основная часть сохранившегося от рук грабителей погребального инвентаря позволяет датировать этот курган в рамках конца II – начала III вв., что вполне согласуется со сведениями античных авторов.

Среди находок особую категорию вещей представляют ювелирные украшения, которые можно разделить на атрибуты костюма и личные украшения.

К атрибутам костюма относятся миниатюрные штампованные бляшки, составлявшие наиболее многочисленную категорию находок. Они нашивались на одежду или погребальное покрывало в определенном порядке, образуя различные орнаментальные композиции. Свидетельством этому может служить тот факт, что в колоде встречались бляшки пяти форм, каждая из которых представлена некоторым количеством экземпляров.

Самыми популярными были золотые полусферические бляшки (обнаружено 108 шт.) с петельками для крепления, на двух из которых были пробиты сквозные отверстия (рис. 2/2). Диаметр этих бляшек - 0,4 см, высота - 0,2 см, проба золота 958 (16). Эта форма бляшек была распространена по всему сарматскому миру (3, с. 13; 7, с. 20).

Следующий вид бляшек-нашивок имеют удлиненно-выпуклую форму и выполненны в подражание чешуям злаков (153 шт.). По краям изделий пробиты отверстия. Длина бляшек - 0,8 см, ширина - 0,3 см, проба от 750 до 900 (рис. 2/2). Близкие по форме бляшки происходят из погребения 2, кургана 2 у с. Пороги Ямпольского района, Винницкой области, расположенного также как и курган у с. Мокра на левом берегу Днестра. Не только форма и размеры бляшек из Мокры и Порогов очень близки, но даже пробы от 750 до 900 совпадают, хотя погребение 2 датируется I в. н.э. (13, с. 29, 31, 101, рис. 19,6).

Третий вид круглых бляшек выполнен в виде стилизованного цветка, сердцевина которого передана сферическим выступом, окруженным рубчатыми лепестками или «жемчужинами» (6 шт.). Диаметры 0,5 и 0,7 см, проба 800. Аналогии этим бляшкам хорошо известны из погребений Нижнего Поволжья (7, с. 71, 99, 115), широко представлены они и на «Золотом кладбище» в Прикубанье, которое ряд исследователей связывает с древностями аланов (3, с. 5, 100, 111, 130, 132).

Особый интерес вызывают бляшки с зооморфными стилизованными мотивами (2 шт.). Они были обнаружены в южной, не разрушенной части колоды, в месте расположения сток. Эти изделия имели прямоугольную форму, размерами 1,5 х 1 см, проба золота – 800. На бляшке оттиснута лежащая лошадь, развернутая вправо, с выброшенными вперед передними ногами. По всем четырем углам бляшек пробиты отверстия для крепления (рис. 1/3).

Необходимо отметить, что этим бляшкам, с изображением лошади, пока нет аналогий, однако, учитывая роль этих животных в жизни кочевников евразийских степей, нет ничего удивительного в том, что их образ воплощен в золоте. Об этом красноречиво свидетельствует находка золотой гривны из порогов с наконечниками в виде конских головок (13, с. 26, рис. 15). При этом, лошадиные головки на гривне, как и изображение этого животного на бляшках из Мокры имеют характерную стилистическую трактовку и не находят аналогий.

Аланские кони снискали заслуженную славу не только у кочевников, но как сообщает Флавий Вописк Сиракузский: «В дни императорских триумфов в Риме аланы шли со связанными руками как пленники, а их прекрасные кони доставались победителям» [АЖА, Ант. П. V]. Подтверждением этому может служить тот факт, что император Адриан (117-138 гг.) в надгробной надписи превозносил «любимого аланского коня, с которым он летал по холмам и болотам Тосканы» (2, с. 104).

К изображению лошадей обращались античные ювелиры, торевты и скульпторы, однако в их произведениях эти благородные животные отличались большой реалистичностью. Специалисты по коневодству, изучая античные образцы, определяют породы лошадей, а также их использование – как тягловой силы или для верховой езды (5, с. 112, 136, 137).

Обращает на себя особое внимание золотая бляшка-нашивка в виде колокольчика. К вершине колокольчика была прикреплена короткая цепочка из двух звеньев, к которой подвешен диск

диаметром 0,8 см. Основание колокольчика снабжено симметрично расположенными отверстиями для пришивания. Размеры «колокольчика» 1 х 0,9 см; вес изделия – 0,61 грамм, проба золота 800 (рис. 1/5).

В Северном Причерноморье аналогичные бляшки известны в мавзолее Неаполя Скифского, где датируются рубежом II-I вв. до н.э. (10, с. 131, 132).

Наибольшее количество «золотых бляшек в виде конусов со свободно свисающими на проволочке золотыми же дисками» (12, с. 29) обнаружено в Северном Афганистане (древняя Бактрия) на теперь уже всемирно известном холме Тилля-Тепе, что в переводе означает «Золотой холм».

В погребении 2 этого же могильника, колоколовидные бляшки-нашивки позволили исследователям реконструировать и восстановить форму высокого головного убора типа тиары (12, с. 29). Необходимо отметить, что на могильнике Тилля-Тепе очень большое количество золотых изделий – бляшек-нашивок, подвесок, ожерелий, головных булавок и корона (из погр. 6) были украшены подвижными дисками (12, с. 118). При движении человека эти свободно свисающие изделия, не отличавшиеся высокохудожественными достоинствами по сравнению с вещами которые они украшали, издавали мелодичный звон. Таким образом, и нашивная бляшка-нашивка из Мокры, может считаться «шумящей».

Вполне очевидно, что все проанализированные типы бляшек могли воплощать конкретный художественный образ, как и любое произведение изобразительного искусства. Принадлежность бляшек к одному из жанров искусства – орнаменту, подтверждается, прежде всего, их назначением – украшать одежду (3, с. 13). Бляшки нашивались на изделия в определенном порядке, образуя различные орнаментальные композиции.

В редких случаях, в не ограбленных погребениях, исследователям удавалось, благодаря нетленному благородному металлу, восстановить узор. В этом отношении весьма примечательна находка из «Соколовой могилы» на правобережье Южного Буга (6, с. 39-42). Широкая кайма из золотых бляшек украшала рукава и подол платья погребенной.

Украшение одежды расшитым орнаментом не только из золотых бляшек, но и из более дешевого разноцветного стеклянного бисера весьма характерно для сарматских племен. Кроме того, античные авторы отмечали, что аланские женщины обладали дорогостоящей, шитой золотом одеждой (18, 167).

К личным ювелирным украшениям относятся перстни, в остатках колоды в кургане у с. Мокра по счастливой случайности сохранилось три экземпляра. В районе кисти левой руки, ближе к ногам, было найдено два золотых перстня с щитками в виде амфорок (рис. 2/1). Перстни практически одинаковые, незначительно отличаются друг от друга только весом, были изготовлены из фигурно профилированных с внешней стороны пластинок, края которых припаяны к щитку, оформленному в виде амфорок.

Горловины амфорок объемные, свернуты из пластинок, венчики переданы двумя рельефными валиками. Корпусом служит миндалевидное зерно бирюзы, оправленное плоской полоской камнедержателя. Ножку имитируют шарики зерни, еще по одному шарику зерни с двух сторон припаяно в нижней трети корпуса, в месте соединения кольца со щитком. Ручки амфорок передают две S-видно изогнутые узкие пластины с продольным желобком, припаянные к венчикам сосудов и к верхним частям корпусов имитируемых сосудов, в месте соединения щитков с кольцами. Диаметр колец перстней – 1,6 см, ширина колец – 0,5 см, высота щитков-амфорок – 1,6 см, вес изделий – 4,03 и 4,08 грамма, проба золота в изделиях 900.

Точных аналогий таким перстням нет, хотя мотив амфор широко использовали античные ювелиры, однако их изделия отличались тонкостью работы и чаще всего употреблялись как подвески к ожерельям или серьгам (10, с. 155, рис. 28,1).

Также в районе левой руки был найден золотой перстень, а возможно и височная подвеска в виде свернувшегося в спираль, в 4,5 оборота мифического существа. Изделие изготовлено из треугольного в сечении прута, плоского снизу, края расклепаны и смоделированы в виде стилизованных головок. Пара глаз передана двумя полукруглыми гранатовыми вставками, вмонтированными в попарно расположенные гнезда-оправы из вертикально припаянных узких полосок.

Нижняя пара таких же гранатовых вставок, возможно, передает пасть животного. Уши животного выполнены в виде двух миндалевидных гнезд, заполненных плотной стекловидной пастой бирюзового цвета.

Кончики ушей завершаются гранатом, также отправленным в круглое гнездо из вертикально припаянной узкой полоски металла. Диаметр изделия - 1,8 см, размеры головок животного - 1,6 х 0,5 см, сечение - 0,2 х 0,1 см, вес изделия - 12,6 грамма, проба золота 900 (рис. 2/3).

Точных аналогий изделию не найдено, а так как оно находилось в перемещенном состоянии из-за ограбления, то его атрибутация – перстень или височная подвеска затруднительно. Свернутые в один и пять оборотов подвески широко известны (7, с. 93, 95, 98), однако они изготовлены просто из золотых полосок, без всяких украшений. Края изделия из Мокры, украшены стилизованными изображениями драконов, а, как известно китайский дракон различных типов в Европе распространился благодаря аланам (20, с. 66). Так на колонне Траяна, в Риме, рельеф передает изображение «сарматского» знаменосца со специфическим аланским штандартом – надувным драконом на шесте (19, с. 48).

Изображения дракона известны среди роскошных находок из могильника Тилля-Тепе. Так в погребении 4 этот мотив был встречен дважды – на золотых ножнах кинжала и золотых бляшках обувных ремней (12, с. 83). По мнению исследователя, иконография этих полиморфных существ

ближе к скифо-алтайским изображениям, нежели к происходящим из Бактрии, Маргианы и Ирана, где издревле существовал культ дракона (12, с. 85).

Отмечено несколько разновидностей дракона, но их всех объединяет один характерный элемент наличия длинных заостренных ушей.

Тема дракона присутствует и среди ювелирных изделий гуннского времени и, по мнению специалистов, своими корнями уходит к более раннему времени - I-II н.э. (1, с. 83-96; 4, с. 18, 78).

Личные украшения из кургана у с. Мокра выполнены в так называемом «золото-бирюзовом» или «золото-бирюзово-гранатном» стиле, который появился в Китае эпохи Чжоу с XII-III вв. до н.э., а с III-II вв. до н.э. известен у саков Семиречья, в I в. до н.э. бытует в Бактрии – Тилля-Тепе, и в Сарматии, где он доживает до IV в. н.э. (21, с. 66).

С приходом аланов в Северное Причерноморье был привнесен новый для этого региона стиль ювелирных изделий, который представляет собой этнически специфические предметы парадного костюма, о чем свидетельствуют новые типы золотых нашивных бляшек и личных украшений. Аланские златокузнецы выработали свой особый оригинальный стиль, их изделия не являются копиями ни восточных, ни тем более римско-боспорских ювелирных изделий.

1.

2.

3.

Рис. 2. 1 - золотые пестни с камнедержателем в виде амфорки, 2 - золотые бляшки-нашивки полусферической формы и в виде чешуи злаковых, 3 - золотой перстень со стилизованными головками драконов.

Использованная литература:

1. Бажан И.А., Щукин М.Б. К вопросу о возникновении полихромного стиля клуазоне эпохи великого переселения народов // Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. - №30. - СПб. - 1990. - С. 83-96.
2. Виноградов Б.В. Аланы в Европе // Сборник статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения). – Армавир. – 2008. – С. 103-111.
3. Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. – СПб. – 1994.
4. Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. – Л. – 1975.
5. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Пути и судьбы. – М. – 1977.
6. Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение на Южном Буге. – Киев. – 1986.
7. Мордвинцева В., Хабарова Н. Древнее золото Поволжья. – Симферополь. – 2006.
8. Мордвинцева В.И., Сергацков И.В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // Российская археология. - №4. – 1995. – С. 114-124.
9. Нефедкин А.К. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Кападокию в 135 г. // Stratum +. – СПб., Кишинев, Одесса. - №3. – 1999. – С. 173-188.
10. Погребова М.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // Памятники эпохи бронзы и раннего железного века в Северном Причерноморье // Материалы и исследования по археологии СССР. - №96. – 1961.
11. Раев Б.А. Аланы евразийских степях: восток-запад // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. – Новочеркасск. – 1989. - С. 116-117.
12. Сарианиди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. – М. – 1983.
13. Симоненко А.В., Лобай Б.И. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. – Киев. – 1991.
14. Скржинская М.В. Из истории античных ювелирных украшений // Российская археология. - №1. – 1994. – С. 18-25.
15. Туаллагов А.А. К вопросу о происхождении ранних алан // Stratum plus. Петербургский археологический вестник. – СПб. – 1997. С. 147-153.
16. Щербакова Т.А., Кашуба М.Т. Сармато-аланские древности (Курганные захоронения близ с. Мокра). – Тирасполь. – 1993.
17. Щукин М.Б. На рубеже эр. – СПб. – 1994.
18. Яценко С.А. К реконструкции женской плечевой одежды Сарматии // Советская археология. - №3. – 1987.

19. Яценко С.А. Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. – Ростов-на-Дону. – 1992. С. 49-50.
20. Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I-II вв. н.э. // Петербургский археологический вестник. – СПб. – 1993. – С. 60-71.
21. Яценко С.А. Центральноазиатские традиции в искусстве Сарматии // Античная цивилизация и варварский мир. – Ч. II. – Новочеркасск. – 1993.
22. Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV вв. н.э. (локализация и политическая история) // Петербургский археологический вестник. - №6. – 1993.